

СТРУКТУРНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В СТРАНАХ САХЕЛЯ: ФАКТОРЫ И ПРОГНОЗНЫЕ СЦЕНАРИИ (предварительные результаты)*

Даниил Михайлович Романов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Илья Александрович Медведев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Андрей Витальевич Коротаев

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»;
Институт Африки РАН

С использованием прогнозов Отдела народонаселения ООН по динамике возрастной структуры и урбанизации, были рассчитаны «городские молодежные бугры» для ряда стран Сахеля в период с 1950 по 2050 гг. Так, средний прогноз по Нигерии показывает, что при следовании по среднему сценарию рост пропорции молодых людей (15–29 лет), живущих в городах, в общей численности взрослого населения (старше 15+ лет) может привести к 2040 г. к росту интенсивности террористических атак на 50 %, однако после 2040 г. прирост молодежи в городах этой страны будет замедляться, а значит, фактор «городского молодежного бугра» перестанет подталкивать к дальнейшему росту террористической активности. Согласно среднему прогнозу для Нигера, при следовании по среднему сценарию рост пропорции молодых людей (15–29 лет), живущих в городах, в общей численности взрослого населения (старше 15+ лет) может привести к 2050 г. к почти двукратному росту интенсивности террористических атак и при этом этот рост, при отсутствии корректирующих мер, может продолжиться и после 2050 г.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект № 18-18-00254).

В данной работе исследуется такой фактор социально-политической дестабилизации как «городские молодежные бугры».

Так называемые «молодежные бугры» – рост доли молодежи в возрасте 15–24 или 15–29 лет в общей численности (взрослого) населения – известны тем, что могут провоцировать различные виды социально-политической дестабилизации (Goldstone 1991; Moller 1968; Huntington 1996; Mesquida, Weiner 1999; Goldstone, McAdam 2001; Heinsohn 2003; Fuller 2004; Urdal 2008; Korotayev, Zinkina 2011; Goldstone, Kaufmann, Toft 2012; LaGraffe 2012; Korotayev *et al.* 2013; Yair, Miodownik 2016; Flückiger, Ludwig 2018; Weber 2019; Коротаев, Зинькина 2011а, 2011б, 2011в; Коротаев, Ходунов 2012; Ходунов, Коротаев 2012).

Существует большое количество работ, в которых исследуется влияние «молодежных бугров» на такое проявление политического насилия как терроризм (Urdal 2004, 2006; Danzell, Yeh, Pfannenstiel 2018; Weber 2019). Другие исследования анализируют связь «молодежных бугров» с другими видами политического насилия, такими как насильственные протесты, военные конфликты и т. д. (Yair, Miodownik 2018; Nordas, Davenport 2013; Fluckiger, Ludwig 2018; Farzanegan, Witthuhn 2017; Urdal 2008).

Таким образом, предыдущие исследования связи демографии молодежи и социально-политической дестабилизации убедительно показывают, что существует стабильная связь между увеличением доли молодежи в общей численности взрослого населения и ростом различных видов политического насилия. Именно поэтому в данной статье мы исследуем и прогнозируем рост политического насилия в регионе, где в некоторых странах в ближайшем будущем ожидается значительный рост доли молодежи в общей численности взрослого населения, а также рост численности молодежи в городах – Африке южнее Сахары (с особым фокусом на странах Сахеля). Мы полагаем, что именно демографические изменения выступают (и, по всей видимости, будут выступать в будущем) важным фактором роста числа случаев политического насилия в странах данного региона.

Классические работы по урбанизации и миграции из деревни в город, как правило, рассматривали урбанизационный переход в европейских странах (Easterlin 1996; Williamson 1988; Jones 2003). Индустриализация и небывалый экономический рост европейских

государств в XIX в. и в начале XX в., который сопровождался демографическим переходом и стремительной урбанизацией, натолкнул исследователей на мысль, что именно экономическое развитие ведет к росту численности населения городов (см. Dyson 2011: 35).

Однако кейс Африки позволил многим ученым пересмотреть свои взгляды на связь экономического развития и урбанизации. Кейс Африки получил название «урбанизация без роста» («urbanization without growth») (Fay, Opal 1999; Christiaensen, Todo 2013). Обратим внимание на то, что несмотря на очень умеренные темпы роста экономики и низкие показатели подушевого ВВП на душу населения в большинстве стран данного региона, урбанизация в данном регионе в целом продолжается и будет продолжаться как минимум до 2050 г., как следует из соответствующего прогноза ООН (см. Рис. 1).

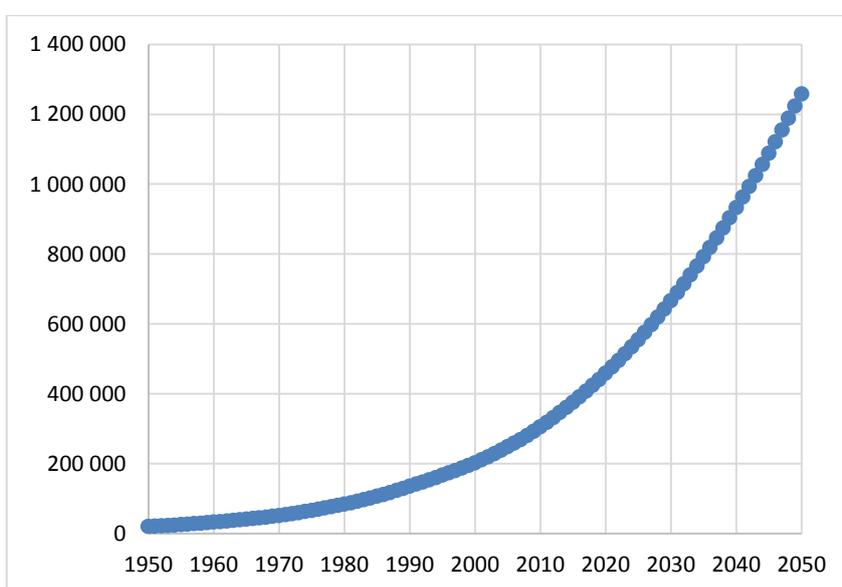

Рис. 1. Численность городского населения в странах Африки южнее Сахары.

Источник: UNPD 2019.

Кроме того, миграция в города имеет диспропорциональный характер – в городах доля мужчин оказывается больше, а доля женщин и

зависимого населения – меньше, чем в деревнях (Menashe-Oren, Stecklov 2017: 21). Иными словами, в странах Африки южнее Сахары в города в основном мигрируют мужчины. С учетом того, что из сельских местностей в города в основном мигрируют молодые люди (см. подробнее Xenos 2004), мы можем ожидать, что в Африке южнее Сахары будет образовываться аномально большое число городской молодежи (в особенности молодых мужчин) в общей численности населения стран этого региона – городские «молодежные бугры». Например, обратим внимание на ожидаемый рост доли городской молодежи в общей численности взрослого населения в Нигере и Нигерии (см. Рис. 2–3).

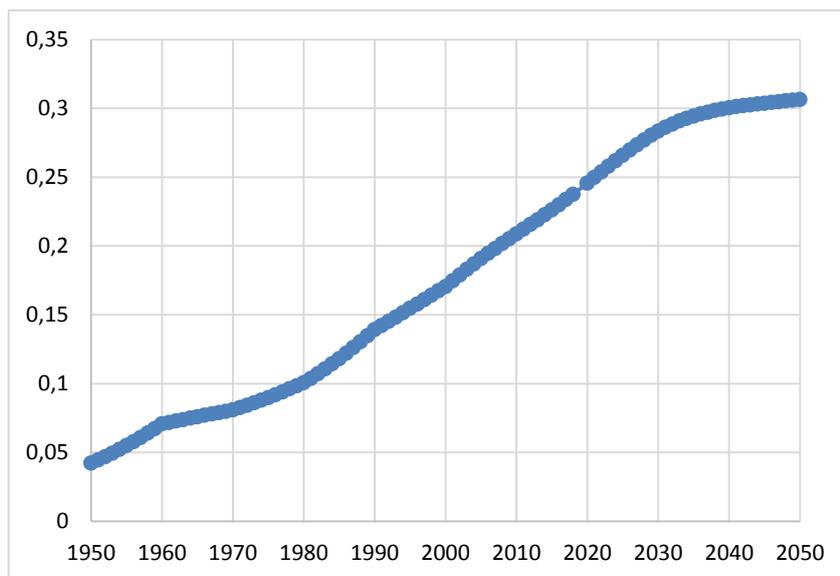

Рис. 2. Количество городской молодежи (15–29 лет) в общей численности взрослого населения Нигерии в 1950–2050 гг.

Источник: UNPD 2019.

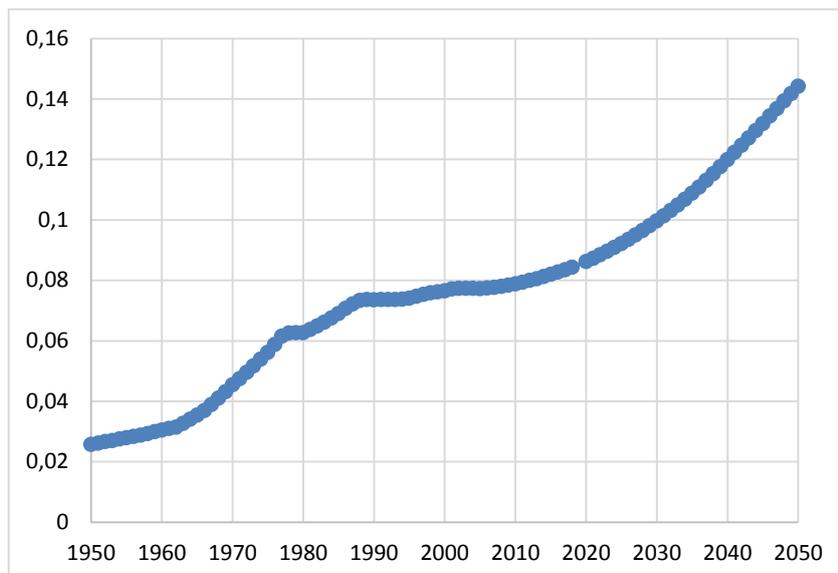

Рис. 3. Количество городской молодежи (15–29 лет) в общей численности взрослого населения Нигере в 1950–2050 гг.

Источник: UNPD 2019.

Данные, представленные на Рис. 2 и Рис. 3, позволяют сделать вывод, что доля городской молодежи в данных странах не только не уменьшается, но будет продолжать расти как минимум до 2050 г., что, как следует из предыдущих работ, может увеличить риски политического насилия в странах данного региона, особенно если рост городской молодежи будет сопровождаться ухудшением социально-экономической обстановки в странах данного региона.

В данной работе мы проведем предварительное тестирование связь между долей молодежи в африканских странах и уровнем политического насилия, а также предложим предварительную модель для прогнозирования.

Так как одним из факторов социально-политической дестабилизации, способным нанести значительный урон стабильности стран, наиболее подверженным влиянию этого фактора, является терроризм, то мы берем количество террористических атак в качестве нашей основной зависимой переменной. Мы берем данные из

наиболее известной базы данных, содержащей информацию о случаях террористических атак – Global Terrorism Database (START 2019).

Так как нас интересуют именно внутренние конфликты, происходящие в странах Африки южнее Сахары, мы берем данные о внутреннем (domestic) терроризме (см. Enders, Sandler, Gaibulloev 2011).

Кроме того, есть основания полагать, что для получения более корректных результатов анализа в модель необходимо включить ряд контрольных переменных, влияние которых на интенсивность террористических актов было протестировано в предыдущих работах.

Одним из важных факторов террористической активности является распространение образования в стране. Предыдущие исследования, посвященные анализу социологического портрета потенциального террориста выявили, что большинство террористов, совершавших террористические атаки как в западных, так и в восточных странах, имели сравнительно высокий уровень образования. Кроме того, недавние кросс-страновые исследования показали, что распространение среднего и высшего образования могут спровоцировать рост террористической активности, особенно если они сопровождаются негативными социально-экономическими условиями. Чтобы учесть эффект влияния образования на терроризм в странах Африки южнее Сахары, мы добавляем в модель переменную, отражающую средний уровень образования населения старше 15 лет (Coppedge 2019: 323).

Другим не менее важным фактором является тип политического режима в стране (см., например, Коротаев, Васькин, Романов 2019: 15–17), поэтому мы включаем переменную, отражающую тип политического режима в нашу модель.

Еще одним важным фактором, влияющим на интенсивность террористических атак в стране, является уровень экономического развития в этой стране (подробнее см. Boehmer, Daube 2013; Enders, Hoover, Sandler 2016; Korotayev, Vaskin *et al.* 2018; Korotayev, Vaskin, Tsirel 2019; Коротаев, Васькин, Билюга 2017; Коротаев, Гринин и др. 2017; Коротаев, Васькин, Цирель 2018; Коротаев, Васькин, Романов 2019). Именно поэтому мы включаем переменную, отражающую уровень экономического развития, в нашу мо-

дель. Для этого мы берем данные по ВВП на душу населения (по ППС) из базы данных Maddison Project Database (Bolt *et al.* 2018; Coppedge *et al.* 2019). Мы берем логарифм показателя ВВП на душу населения (по ППС), чтобы нормализовать распределение данной переменной.

Кроме того, мы включаем такую переменную, как численность населения страны. Данные по населению мы берем из базы данных Отдела народонаселения ООН (UNPD 2019). Данная переменная также логарифмирована для того, чтобы нормализовать ее распределение.

Так как наша зависимая переменная является счетной с большим количеством нулей, а ее распределение скорее напоминает Пуассоновское распределение, то для релевантного анализа данных мы используем отрицательную биномиальную регрессию (см. подробнее Hilbe 2011). Заметим, что наши данные охватывают временной период с 1980 по 2007 гг., однако из-за того, что по некоторым социально-экономическим переменным данные пропущены, наша выборка несколько уменьшается.

Результаты тестирования связи между интенсивностью террористических атак и наличием высокой доли молодежи (15–29 лет), проживающей в городах, следующие (см. Табл. 1).

Табл. 1. Влияние городских «молодежных бугров» (15–29 лет) на интенсивность внутреннего терроризма (1985–2007)

	<i>Зависимая переменная:</i> Количество внутренних террористических атак
Константа	–3,021 ^{***} (0,453)
Городской «молодежный бугор» (15–29 лет)	0,041 ^{***} (0,003)
Население (logged)	0,427 ^{***} (0,025)
ВВП на душу населения (лог)	0,340 ^{***} (0,056)
Политический режим	–0,543 ^{**} (0,171)

Окончание Табл. 1

	Зависимая переменная: Количество внутренних террористических атак
Образование	-0,228 ^{***} (0,021)
Число наблюдений (N)	1 625
Лог функции правдоподобия	-6 307
Тета-коэффициент	0,531 ^{***} (0,016)
Инф. крит. Акаике	12 625

Примечание: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$.

Можно видеть, что городские «молодежные бугры» (15–29 лет) являются статистически значимым положительным предиктором интенсивности внутренних террористических атак. Заметим, что результаты, представленные нами в Табл. 1, согласуются с выводами предыдущих авторов, исследовавших связь между увеличением доли молодежи в населении страны и ростом интенсивности террористической активности.

Говоря о конкретных прогнозах количества террористических атак для стран Сахеля, в данной работе мы бы хотели дать предварительный прогноз для двух стран данного региона: Нигера и Нигерии.

Средний прогноз по Нигерии показывает, что при следовании по среднему сценарию рост пропорции молодых людей (15–29 лет), живущих в городах, в общей численности взрослого населения (старше 15+ лет) может привести к 2040 г. к росту интенсивности террористических атак на 50 %, однако после 2040 г. прирост молодежи в городах этой страны будет замедляться, а значит, фактор «городского молодежного бугра» перестанет подталкивать к дальнейшему росту террористической активности. Согласно среднему прогнозу для Нигера, при следовании по среднему сценарию рост пропорции молодых людей (15–29 лет), живущих в городах, в общей численности взрослого населения (старше 15+ лет) может привести к 2050 г. к почти двукратному росту интенсивности тер-

рористических атак и при этом этот рост, при отсутствии корректирующих мер, может продолжиться и после 2050 г. Действительно, в Нигере пропорция городской молодежи будет расти и после 2050 г., что с высокой вероятностью приведет к увеличению интенсивности террористической активности в этой стране.

Таким образом, в данной работе мы рассматривали влияние так называемых «городских молодежных бугров» – то есть доли молодых людей (15–29 лет), проживающих в городах, в общей численности взрослого (15+) населения страны – на уровень интенсивности террористической активности. Предыдущие исследования, посвященные изучению связи демографических изменений с различными видами социально-политической дестабилизации, убедительно показывают, что «молодежные бугры» могут являться фактором дестабилизации для стран, в которых наблюдается диспропорциональное количество молодых людей в численности взрослого населения. Именно поэтому данная статья посвящена изучению влияния «молодежного фактора» на проявления дестабилизации в странах Сахеля.

Обратившись к модели, разработанной в рамках нашего предыдущего исследования, мы вновь демонстрируем, что так называемые «городские молодежные бугры» являются значимыми предикторами интенсивности террористических атак. Также в рамках данной работы мы сформулировали содержательные прогнозы для двух стран данного региона: Нигера и Нигерии. К сожалению, прогнозы скорее свидетельствуют о том, что данные страны в будущем будут подвержены более интенсивной внутренней террористической активности, так в данных странах вплоть до 2050 г. (а в Нигере и далее) будет наблюдаться неуклонный рост доли городской молодежи в численности взрослого населения.

Библиография

- Васькин И. А., Цирель С. В., Коротаев А. В. 2018. Экономический рост, образование и терроризм: опыт количественного анализа. *Социологический журнал* 24(2): 28–65.
- Коротаев А., Васькин И., Билюга С. 2017. Гипотеза Олсона – Хантингтона о криволинейной зависимости между уровнем экономического развития и социально-политической дестабилизацией: опыт количественного анализа. *Социологическое обозрение* 16(1): 9–49.

- Коротаев А. В., Васькин И. А., Билога С. Э. 2019.** Экономический рост и дестабилизация современных социально-политических систем и институтов. *Политогенез и историческая динамика политических институтов: от локальной потестарности к глобальной мир-системе: коллективная монография /* Ред. Л. Е. Гринин. Московская редакция издательства Учитель Москва. С. 542–567.
- Коротаев А. В., Гринин Л. Е., Исаев Л. М., Билога С. Э., Васькин И. А., Слинько Е. В., Шишкина А. Р., Мещерина К. В. 2017.** Дестабилизация: глобальные, национальные, природные факторы и механизмы. М.: Московская редакция издательства «Учитель».
- Коротаев А., Васькин И., Романов Д. 2019.** Демократия и терроризм: новый взгляд на старую проблему. *Социологическое обозрение* 18(3): 9–48.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011а.** Демографические корни Египетской революции. *Демоскоп Weekly* 459–460: 3–35. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/2011/0459/tema01.php>.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011б.** Египетская революция 2011 г. Структурно-демографический анализ. *Азия и Африка сегодня* 6(647): 10–16; 7(648): 15–21.
- Коротаев А. В., Зинькина Ю. В. 2011в.** Египетская революция 2011 г.: социодемографический анализ. *Историческая психология и социология истории* 4(2): 5–29.
- Коротаев А. В., Ходунов А. С. 2012.** К прогнозированию динамики социально-политической дестабилизации в странах мир-системной периферии: Ближний Восток versus Латинская Америка. *Моделирование и прогнозирование глобального, регионального и национального развития /* Ред. А. А. Акаев, А. В. Коротаев, Г. Г. Малинецкий, С. Ю. Малков. М.: ЛИБРОКОМ/URSS. С. 337–386
- Ходунов А. С., Коротаев А. В. 2012.** Почему вторая волна агфляции привела к волне социально-политической дестабилизации на Ближнем Востоке, а не в Латинской Америке? *Арабская весна 2011 г. Системный мониторинг глобальных и региональных рисков /* Ред. А. В. Коротаев, Ю. В. Зинькина, А. С. Ходунов. М.: URSS. С. 463–507.
- Boehmer C., Daube M. 2013.** The curvilinear effects of economic development on domestic terrorism. *Peace Economics, Peace Science and Public Policy* 19(3): 359–368.
- Bolt J., Inklaar R., de Jong H., van Zanden J. L. 2018.** Rebasings ‘Maddison’: new income comparisons and the shape of long-run economic development. GGDC Research Memorandum, 174.

- Christiaensen L., Todo Y. 2013. Poverty reduction during the rural-urban transformation-the role of the missing middle. The World Bank.
- Coppedge M., Gerring J., Knutsen C. H., Lindberg St. I., Skaaning Sv., Teorell J., Altman D., Bernhard M., Fish M. St., Cornell A., Dahlum S., Gjerløw H., Glynn A., Hicken A., Krusell J., Lührmann A., Marquardt K. L., McMann K., Mechkova V., Medzihorsky J., Olin M., Paxton P., Pemstein D., Pernes J., Römer J. von, Seim Br., Sigman R., Staton J., Stepanova N., Sundström A., Tzelgov E., Wang Y., Wig T., Wilson St., Ziblatt D. 2018. V-Dem [Country-Year/Country- Date] Dataset v8. *Varieties of Democracy (V-Dem) Project*. URL: <https://doi.org/10.23696/vdemcy18>.
- Danzell O. E., Yeh Y. Y., Pfannenstiel M. 2018. Does education mitigate terrorism? Examining the effects of educated youth cohorts on domestic terror in Africa. *Terrorism and Political Violence*. P. 1–22.
- Dyson T. 2011. The role of the demographic transition in the process of urbanization. *Population and development review* 37: 34–54.
- Easterlin R. A. 1996. Economic and social implications of demographic patterns. *Handbook of aging and the social sciences*. P. 73–93.
- Enders W., Hoover G. A., Sandler T. 2016. The changing nonlinear relationship between income and terrorism. *Journal of Conflict Resolution* 60(2): 195–225.
- Farzanegan M. R., Witthuhn S. 2017. Corruption and political stability: Does the youth bulge matter? *European Journal of Political Economy* 49: 47–70.
- Fay M., Opal C. 1999. Urbanization without growth: a not-so-uncommon phenomenon. *Policy Research Working Paper*. The World Bank.
- Flückiger M., Ludwig M. 2018. Youth bulges and civil conflict: causal evidence from Sub-Saharan Africa. *Journal of Conflict Resolution* 62(9): 1932–1962.
- Fuller G. E. 2004. The Youth Crisis in Middle Eastern Society. *Clinton Township*. MI: Institute for Social Policy and Understanding.
- Goldstone J. A. 1991. *Revolution and rebellion in the early modern world*. California: University of California Press.
- Goldstone J. A., Kaufmann E. P., Toft M. D. 2012. Political demography: how population changes are reshaping international security and national politics. Boulder, CO: Paradigm.
- Goldstone J., McAdam D. 2001. Contention in demographic and life-course context. Pp. 195–221 in *Silence and Voice in the Study of Contentious Politics* / Ed. by R. Aminzade, J. Goldstone, D. McAdam, E. Perry, W. Sewell, S. Tarrow, C. Tilly. Cambridge: Cambridge University Press.

- Heinsohn G. 2003.** Söhne und Weltmacht. Terror im Aufstieg und Fall der Nationen. Zürich: Orell Füssli Verlag.
- Hilbe J. M. 2011.** Negative binomial regression. Cambridge University Press.
- Huntington S. 1996.** *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, NY: Simon & Schuster.
- Korotayev A., Issaev L., Malkov S., Shishkina A. 2013.** Developing the Methods of Estimation and Forecasting the Arab Spring. *Arab Studies Quarterly* 7: 28–58
- Korotayev A., Vaskin I., Bilyuga S., Iyin I. 2018.** Economic Development and Sociopolitical Destabilization: A Re-Analysis. *Cliodynamics: The Journal of Quantitative History and Cultural Evolution* 9(1): 59–118.
- Korotayev A., Vaskin I., Tsirel S. 2019.** Economic Growth, Education, and Terrorism: A Re-Analysis. *Terrorism and Political Violence* 1: 24.
- Korotayev A., Zinkina J. 2011.** Egyptian Revolution: A Demographic Structural Analysis. *Entelequia. Revista Interdisciplinar* 13: 139–169.
- LaGraffe D. 2012.** The Youth Bulge in Egypt: An Intersection of Demographics, Security, and the Arab Spring. *Journal of Strategic Security* 5(2): 65–80.
- Menashe-Oren A., Stecklov G. 2017.** Population age structure and sex composition in sub-Saharan Africa. *IFAD Research Series 280055*. International Fund for Agricultural Development (IFAD).
- Mesquida C. G., Weiner N. I. 1999.** Male Age Composition and Severity of Conflicts. *Politics and the Life Sciences* 18: 113–117.
- Moller H. 1968.** Youth as a Force in the Modern World. *Comparative Studies in Society and History* 10(3): 237–260.
- Nordås R., Davenport C. 2013.** Fight the youth: Youth bulges and state repression. *American Journal of Political Science* 57(4): 926–940.
- START** [National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism]. **2019.** *Global Terrorism Database*. College Park, MD: National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism. URL: <https://www.start.umd.edu/gtd/>.
- UNPD** [United Nations Populations Division]. **2019.** The 2018 Revision of World Population Prospects. United Nations Population Division. URL: <http://www.un.org/en/development/desa/population/>.
- Urdal H. 2004.** The devil in the demographics: the effect of youth bulges on domestic armed conflict, 1950–2000. *Social Development Papers*. Paper № 14.

- Urdal H. 2006.** A clash of generations? Youth bulges and political violence. *International studies quarterly* 50(3): 607–629.
- Urdal H. 2008.** Population, resources, and political violence: A subnational study of India, 1956–2002. *Journal of Conflict Resolution* 52(4): 590–617.
- Weber H. 2019.** Age structure and political violence: a re-assessment of the “youth bulge” hypothesis. *International interactions* 45(1): 80–112.
- Xenos P. 2004.** Demographic forces shaping youth populations in Asian cities. *Youth, Poverty and Conflict in Southeast Asian Cities* / Ed. by L. M. Hanley, B. A. Ruble, J. S. Tulchin. Washington, DC: Woodrow Wilson Center for International Scholar. P. 7–35.
- Yair O., Miodownik D. 2016.** Youth bulge and civil war: Why a country’s share of young adults explains only non-ethnic wars. *Conflict Management and Peace Science* 33(1): 25–44.